

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.7>**ЛАТИНСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Научная статья

Ильченко О.С.*

ORCID: 0000-0001-6090-4579,

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* Корреспондирующий автор (o.ilchenko[at]spbu.ru)

Аннотация

В статье предпринимается попытка сравнить функции латинских крылатых фраз в произведениях таких мастеров русской художественной прозы, как А.П. Чехов, Ф.М. Достоевский и И.С. Тургенев. Определяются излюбленные авторские приемы, устанавливаются сходства и различия в подходах указанных писателей к использованию классического наследия в создаваемых текстах. Статья дополняет исследования роли иноязычных вкраплений в русской художественной литературе. Результаты работы могут быть использованы в практике преподавания литературы в средних и высших учебных заведениях, на курсах повышения квалификации.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, русская литература, античное культурное наследие, латинские крылатые выражения.

LATIN INSERTIONS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Research article

Ilchenko O.S.*

ORCID: 0000-0001-6090-4579,

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* Corresponding author (o.ilchenko[at]spbu.ru)

Abstract

The article attempts to compare the functions of Latin winged expressions in the works of such masters of Russian fiction as A. Chekhov, F. Dostoevsky and I. Turgenev. The authors' favorite techniques are determined, and similarities and differences in the writers' approaches to the use of the classical heritage in their texts are established. The article complements the research on the role of foreign language insertions in Russian fiction. The results of the present work can be used in the practice of teaching literature in secondary and higher educational institutions, at advanced training courses.

Keywords: foreign language insertions, Russian literature, ancient cultural heritage, Latin winged expressions.

Introduction

The development of the Russian literary language has always been closely linked with the main languages of European culture and world civilization [3]. This connection was used to replenish the lexical and phraseological stock of the Russian language. Some of the borrowings were firmly included in Russian, losing their foreign language appearance, whereas others retained it for a long time. However, there are many borrowings which have preserved their original appearance, despite the fact that they have been used in Russian for a long time. Moreover, this has not prevented them from becoming an organic part of the Russian language and has led to an extensive stock of foreign language expressions and words in Russian (as well as other languages of world culture) that are used without translation and in compliance with the graphics and spelling of the source language [2]. It is classical Latin which is the source of many such expressions.

The Latin language has been considered dead for many centuries. There are no people who speak it now. But this language will definitely continue to live in the popular expressions, such as catch phrases, quotations, proverbs and sayings [11]. Latin winged expressions are widely used in fiction by writers around the world, and Russian fiction is no exception [1]. There are different ways to insert a foreign language fragment into a text in Russian: it can be a relatively independent fragment of a text (epigraph, letter, document, etc.); a word, whole phrase, or sentence in the Russian speech of a character, author, or narrator. The main objective of the research is to compare the functions of Latin insertions in the literary texts since Latin expressions seem to be essential features of Russian classical literature. Why do world-famous writers so often turn to Latin? Let us try to figure it out.

Methods

Our research is based on the texts of recognized masters of Russian fiction – Ivan Turgenev, Anton Chekhov and Feodor Dostoevsky. The material was extracted by means of a continuous sampling method. We have encountered 45 contexts with Latin insertions in 33 works of the writers. The contextual and semantic analysis and comparative methods have been used.

Results

Out of the total number of studied works, 20 of them belong to **Anton Chekhov**. Chekhov uses Latin expressions in various genres: letters [5], stories, plays. The appeal to the work of this Russian writer in the first place is not accidental. Chekhov was known to study at the medical faculty of the University (1879–1884), where, of course, the Latin language was learned as part of systematic curricular. That is why, in comparison with other authors whose works have been studied, Chekhov more often uses Latin expressions which are typical in medical professionals' speech, e.g.: [*Астров:*] *А я—то, сломя голову, скакал тридцать вёрст. Ну, да ничего, не впервой. Зато уж останусь у вас до завтра и по крайней мере выплусь quantum satis* ("enough" – pharmaceutical formula). («Дядя Ваня») [13, v. 13, P. 69]; *Её habitus* ("physical

appearance” – it is usually used as a medical term) *не плох. Рост средний. Окраска кожных покровов и слизистых оболочек правильна. Подкожно-клетчатый слой развит удовлетворительно. Грудь правильная, хрипов нет. Дыхание везикулярное. Тоны сердца чисты.* («Два романа. Роман доктора») [13, v. 1, P. 481]. Analyzing the “medical” stories of Chekhov, we can note that Latin aphorisms are inserted into the texts to create a reliable medical atmosphere: the descriptions of physicians’ actions during medical examinations; advice on the treatment of any disease.

It is significant that many of the Latin phrases in Chekhov's texts freely replace Russian words or phrases in natural speech, organically fitting into it and not being distinguished from the context. The reader's attention is not focused on the Latin words, and in many cases their meaning can be guessed, e.g.: *Возмутительно скучно слушать, как женщины покупают, торгуются и стараются перехитрить надувающего лавочника. Мне стыдно делалось, когда Саша, переворочав массу материи и сбавив цену **ad minimum** (“to a minimum”), уходила из магазина, ничего не купив или приказав отрезать ей копеек на сорок – пятьдесят.* («Любовь») [14, v. 4, P. 196]; *Роман Камышева напечатан не без пропусков, не **in toto** (“completely, including all parts”), как я обещал, а по значительном сокращении.* («Драма на охоте») [14, v. 3, p. 180]. The catch phrase **O fallācem homīnum spem** (“Oh, a deceptive human hope!”) is used by Chekhov as if Latin is not a foreign language at all, e.g.: **O fallacem hominum spem** – . *Ожидаемое развлечение не состоялось, и таким образом единственное пятно, лежавшее на прессе, сослужившей такую блестящую службу в деле открытия скопинских дебоиштрств, стусевывается до нуля.* («Дело Рыкова и комп.») [13, v. 16, P. 519]; [*Кулыгин (целует Ирине руку):*] *Прощай. Завтра и послезавтра целый день отдыхать. Всего хорошего. Чаю очень хочется. Рассчитывал провести вечер в приятном обществе и – **o fallacem hominum spem**.* («Три сестры») [13, v. 13, P. 204]. Many more similar examples can be encountered.

In addition, Russian equivalents often come from Latin, e.g.: [*Серебряков:*] *Постой. Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения. Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения без дел мертвы. Нужно было дело делать.* [*Войничкий:*] *Дело? Не всякий способен быть пишущим **perpetuum mobile** (“perpetual motion”).* («Леший») [14, v. 9, P. 352]. *Был вчера на публичной лекции нашего Z.Z. Удивляюсь, как это наша **alma mater** (“nourishing mother” – the traditional figurative name of educational (often higher) institutions that give spiritual food to their students), не к ночи будь помянута, решается показать публике таких балбесов и патентованных тупиц, как этот Z.Z.* («Скучная история /из записок старого человека») [14, v. 6, P. 306]. *Дело ваше верить или не верить, признавать или не признавать... Я говорю о режиме, который следовало бы изменить **in concreto** (“specifically”).* («У постели больного») [14, v. 2, P. 323].

Chekhov uses fairly well-known expressions or parts of them, counting on the reader's knowledge or showing the character's knowledge of the full phrase: *Я вам покажу кузькину мать! Я человек, который с характером! Со мной, брат, шутки не шутки, ежели хочешь жив быть! Не дыхни! И это говорит ... Кто же? бывший редактор, писавший в своей газете передовые! **O tempora** с двумя восклицательными знаками!* («Осколки московской жизни») [13, v. 2, P. 435–436]. **O tempora! O mores!** (“O times! O morals!”) is from Cicero's speech against Catiline.

Much less often Chekhov deliberately draws the reader's attention to a Latin winged expression. Let us look at the dialogue of two characters: *Я не люблю этого человека! Не люблю за то, что он умер спокойно. Умер так, как умирают честные люди. Быть подлецом и в то же время не хотеть сознавать этого – страшная особенность русского негодяя!* [*Глагольев:*] **De mortuis aut bene, aut nihil**, Михаил Васильевич. [*Платонов:*] *Нет... Это латинская ересь. Помоему: **de omnibus aut nihil, aut veritas**. Это правильно.* («Безотцовщина») [13, v. 11, P. 21]. In fact, the opposite is true: the second phrase which is translated as “about all either nothing or the truth” is a paraphrase of the first one, the translation of which is “about the dead either good or nothing”. The similar English proverb is “Say nothing but good about the dead” [9, p. 315]. With the help of slightly paraphrased Latin aphorisms, the author achieves a semantic shift or humorous effect. Latin insertions in such examples play an important role in the character's speech portrait, emphasizing his/her good education. It is the broad outlook of well-educated characters that allows the author to include Latin words in the language game.

Chekhov's character often explains his point of view, starting from a Latin saying: *Друг мой, здоровы и нормальны только заурядные, стадные люди. Соображения насчет нервного века, переутомления, вырождения и т.п. могут серьезно о волновать только тех, кто цель жизни видит в настоящем, то есть стадных людей. – Римляне говорили: **mens sana in corpore sano** (“a healthy mind in a healthy body” [9, P. 33] – Juvenal, “Satires”). – Не всё то правда, что говорили римляне и греки. Повышенное настроение, возбуждение, экстаз – всё то, что отличает пророков и поэтов, мучеников за идею от обыкновенных людей, противно животной стороне человека, то есть его физическому здоровью.* («Чёрный монах») [13, v. 8, P. 243].

The following sentence contains a striking example of Latin conciseness: *Нам говорят слово, а мы в ответ – десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той границей речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект – **non multum, sed multa** (“not a lot, but much”).* («Хорошая новость») [13, v. 16, P. 266]. Here the author uses a paraphrase again, the original expression is the opposite: **non multa, sed multum** – “not a lot (in quantity), but much (in value)”. The similar English proverb is “Brevity of speech is a virtue” [9, P. 202]. In other words, in one short phrase the concise Latin language contains all that is said in Russian in several sentences. The same thought is expressed in two different languages, and this emphasizes its significance. Figuratively speaking, Latin helps to condense the author's thought.

It is no doubt that the following sentence exemplifies a stroke of Chekhov's comical genius: *Когда я смотрю на язык больного, я вспоминаю жену, и это воспоминание производит во мне сердцебиение. Прав был тот философ, который сказал: **“lingua est hostis hominum amicusque diaboli et feminarum”**.* («Два романа. Роман доктора») [13, v. 1, P. 481]. We cannot help to smile while reading. It is the insertion of the Latin expression which makes the situation so comical. The translation of this humorous expression is “language is the enemy of men and the friend of the devil and women”. Although the author himself passes it off as a quote, it is supposed to belong to Chekhov [1, P. 336]. That is intriguing. It is not difficult to discover Chekhov's passion to language games, in which he involves his well-educated characters.

Overall, Latin expressions sound as natural as Russian speech in most Chekhov's works. This implies that the readers know the words used. And only in about a third of the examples of using insertions, Latin expressions play a special “condensing meaning” role. Latin also becomes the language of social status and serves as one of the means of creating the hero's portrait. Latin aphorisms for the author's contemporaries were a recognizable sign of the new, “scientific” time in which “well-educated” people lived.

In similar functions, Latin insertions are used in the works by **Fedor Dostoevsky**. 12 insertions were encountered in 5 studied texts. Many expressions (well or less known) are used in the natural course of speech, and without comment. Here are the most striking examples: *Она — тут же, вероятно, сказала, что бесчестьем себе почитает называться и женою его. У нас развода нет, но de facto (“in fact”) они развелись, и ей ли было после умолять его о помощи! («Униженные и оскорблённые»)* [6, v. 3, P. 379–380]; *но я вот о чем, главное, желал бы у вас полюбопытствовать: вы только что заявили, что были весьма близко знакомы с госпожой Светловой? (Nota bene (“Note well!” – the note draws attention to a particularly remarkable part of the text), фамилия Грушевки оказалась «Светлова». Это я узнал в первый раз только в этот день, во время хода процесса). («Братья Карамазовы»)* [5, v. 15, P. 100].

7 Latin insertions were encountered in the novel “Братья Карамазовы”. Apparently, the characters have a good command of Latin, since in conversations they quite boldly transform well-known Latin expressions (without any errors): for example, they change the word order, which is acceptable in this case. It is very interesting to combine two different languages in one phrase: *А я ему сейчас вот говорил: “Карамазовы не подлецы, а философы, потому что все настоящие русские люди философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд”. Смеется, злобно так. А я ему: de мыслибус non est disputandum, хороша острова? По крайней мере и я в классицизм вступил, — захохотал вдруг Митя. («Братья Карамазовы»)* [6, v. 10, P. 101]. The phrase “de мыслибус” was written in Russian, although, as we know, there is no such a word in either Russian or Latin. The original expression is *de gustibus non est disputandum* (“tastes are not to be argued”). The other similar English proverbs are “tastes differ” and “there is no accounting for tastes” [9, P. 314]. Interestingly, the Latin word *gustus* is not peculiar to the meaning in which it is used [4, P. 355]. But quoting the proverb, people put the meaning “a sense of beauty, the ability to appreciate aesthetically” into the word *gustus*. Here is another great example: – *У черта ревматизм? – Почему же и нет, если я иногда воплощаюсь. Воплощаюсь, так и принимаю последствия. Самана sum et nihil humanum a me alienum puto. Как, как? Самана sum et nihil humanum... Это неглу по для чёрта. – Рад, что наконец угодил. («Братья Карамазовы»)* [5, v. 15, P. 74]. In this fragment, two amendments were made to the Latin quotation *homo sum, humani nihil a me alienum puto (Terentius)* (“I am a man, I count nothing human alien to me” (Terence) [9, P. 533]): 1) “*Homo sum*” was replaced with “*Самана sum*” (and “Satan” is written in Russian); 2) the inaccurate form *nihil humanum* [8] was used instead of *humani nihil* to emphasize the depth and breadth of interests, involvement in all human; or the whole expression takes on this meaning (“I am a human being and am not immune from any human errors and weaknesses”). The second option seems to us more appropriate to the context.

Also, a case was encountered where only a part of the statement is used, since there is no need to quote the entire proverb. It is enough for the author to refer: *Моя теория, Карамазов, ясна и проста, опять радостно заспешил он тотчас же. – Я верю в народ и всегда рад отдать ему справедливость, но отнюдь не балуя его, это sine qua... («Братья Карамазовы»)* [6, v. 10, P. 51]. The full form is *condicio sine qua non* (“the condition without which something is not possible”).

Like Chekhov, Dostoevsky inserts Latin expressions in his texts in order to emphasize the significance of thoughts and briefly express the meaning. He manages to make the reader think about many issues by means of a single phrase: *О, опять повторяю: да простят мне, что я привожу тогдашний хмельной бред до последней строчки. Конечно о, это только эссенция тогдашних мыслей, но мне кажется, я этими словами и говорил. Я должен был привести их, потому что я сел писать, чтоб судить себя. А что же судить, как не это? Разве в жизни может быть что-нибудь серьезнее? Вино же не оправдывало. In vino veritas. («Подросток»)* [6, v. 8, P. 497–498]. The translation of the quotation is “truth in wine” (Pliny the Elder), and in English we have “truth comes out of wine” [9, P. 175]. There is another English proverb: “What soberness conceals, drunkenness reveals” [10, P. 255].

Again, like Chekhov, Dostoevsky uses a Latin quotation as a conclusion. Firstly, the character's reflections are given and, finally, a Latin quote goes as a proof: *...Но во всяком случае, останусь ли я побежденным или победителем, я в тот же вечер возьму мою суму, нищенскую суму мою, оставлю все мои пожитки, все подарки ваши, все пенсии и обещания будущих благ и уйду пешком, чтобы кончить жизнь у купца губернёрном, либо умереть где-либо с голоду под забором. Я сказал. Alea jacta est! («Бесы»)* [6, v. 7, P. 359]. “The die is cast” (Cicero) [9, P. 136] – so they say about a final decision, a step that does not allow a return to the past); *Хоть там теперь и кричат во все трубы, что Ставрогину надо было жену сжечь, для того и город сгорел, но ... – А уж кричат во все трубы? – То есть ещё вовсе нет, и, признаюсь, я ровно ничего не слышал, но ведь с народом что поделаешь, особенно с погорельцами: vox populi, vox Dei. Долго ли глупейший слух по ветру пустить? («Бесы»)* [6, v. 7, P. 550]. The literal translation of the phrase used in English is “the voice of the people is the God's voice” (we also have “the public is the best judge”) [9, P. 79]. But this catch phrase often gave rise to disputes about its truth. Homer and Hesiod claimed that popular rumor is the messenger of Zeus, it is a kind of deity. However, Alcuin disagreed, saying that “the wild excitability of a crowd is always close to insanity” [1, P. 714–715]. The context makes us think that, despite the literal translation, Dostoevsky precisely meant Alcuin's thought about the disorderliness, illegibility of rumor.

To sum up, Latin insertions in Dostoevsky's works arouse research interest, since in half of the cases Latin winged expressions are transformed in a rather unusual way or deviate from the direct, familiar meaning.

During the analysis of the language of **Ivan Turgenev's** works, it turned out that the writer's attitude to foreign language insertions is completely opposite. 11 Latin insertions were encountered in 8 works. In most cases, the use of Latin expressions is an indicator of something foreign, non native, alien: *Иностранные вина изгнали водки и наливки: людям пошли новые л ивреи; к фамильному гербу прибавилась надпись: “in recto virtus...” (“virtue in truth”) («Дворянское гнездо»)* [12,

v. 7, P. 60]; *O! я не сомневаюсь в том, что мы решились истреблять друг друга; но почему же не посмеяться и не соединить **utile dulci** (“useful with pleasant”)? Так-то: вы мне по-французски, а я вам по-латыни.* («Отцы и дети») [12, v. 8, P. 321].

A translation or explanation is often given in the text by the character used the phrase, and a reference is made by its author. Here are the most vivid examples: *Один Сипягин был собственно даже очень доволен всей этой сценой. Ему пришлось выказать силу своего красноречия, усмирить начинающуюся бурю. Он знал латинский язык и вергилиевское: **quos ego!** (I you!) не было ему чуждым.* («Новь») [12, v. 12, P. 103–104]; *Никогда еще он не чувствовал такой усталости – телесной и душевной. Целый вечер он провел с приятными дамами, с образованными мужчинами; некоторые из дам были красивы, почти все мужчины отличались умом и талантами – сам он беседовал весьма успешно и блистательно ... и, со всем тем, никогда ещё то **taedium vitae** (“aversion to life”), о котором говорили уже римляне, то «отвращение к жизни» с такой силой не овладевало им.* («Вешние воды») [12, v. 11, P. 7]. Note that in some cases, the inserted expression or phrase is written in quotation marks, which was not the case with the previous writers. Thus the author points out the “foreignness” of Latin in his characters’ speech. Only a few uses have been encountered where the Latin phrases remain without comment, but they seem to be familiar to everyone: *Ночь была нехороша. Больной много бредил – Доктор приехал поутру, покачал головой и прописал новые лекарства. Еще далеко до кризиса, – сказал он, надевая шляпу. А после кризиса? – спросил Берснев. – После кризиса? Исход бывает двоякий: **aut Caesar, aut nihil** (literally – “either Caesar or nothing”; the other English equivalents: “it’s win all, or lose all”; “all or nothing”; “hit or miss”, etc. [9, P. 332]) («Накануне») [12, v. 8, P. 119]; *А то здесь другой доктор, приезжает к больному ... а больной у же **ad patres** (literally “to the forefathers, ancestors”, i.e. to the next world) («Отцы и дети»)* [12, v. 8, P. 314]. The latter, a famous quotation from the Bible, is loved by Chekhov. We have encountered it in 3 Chekhov’s work.*

Special attention should be paid to an excerpt from the novel, where, in addition to the Latin word, is used jargon, several medical terms and practical transcription from French: *Одной бабе, которая жаловалась на гнётку – это по– ихнему, а по–нашему – дизентерию, я ... как бы выразиться лучше ... я вливал опиум; а другой я зуб вырвал. Этой я предложил эфиризацию ... только она не согласилась. Всё это я делаю **gratis** (“for free”) – анаматёр (с фр. *en amateur* “as an amateur”) («Отцы и дети»)* [12, v. 8, P. 318]. It seems that this combination of foreign words and the vernacular is intended to emphasize the individual features of the character – the combination of education and closeness to people.

In one fragment from Turgenev’s story, where one of the characters is a foreigner, we have encountered the use of three foreign languages, including Latin: *Является Ляпунов: узнаёт à la Валленштейн, старого солдата, остаётся наедине с Симеоном и окончательно превращается в Валленштейна: «Ты стоишь подле меня, как моя молодость», – говорит он Симеону: “er stand neben mir wie meine Jugend” – говорит Валленштейн о Максе. **Pereant qui ante nos nostra dixerunt!** («Смерть Ляпунова». Соч. С.А. Гедеонова) [12, v. 1, P. 266]. The proverbial expression “Confound those who have said our remarks before us” [9, P. 27], which arose in modern times, is given in the text without translation. Each of the languages seems to be used for a specific purpose. Latin is most likely used for a brief expression of thought and for emphasizing the presence of a non-native, foreign, alien.*

Conclusion

To conclude, Latin insertions in the works of famous Russian writers perform a variety of functions. It depends on writers’ worldview, the characters, the created situation. There is a need to attract the reader’s attention, as well as make the text more expressive, bright, meaningful, sometimes – comical. Proficiency in a particular foreign language can be a sign of the character’s nationality, social class, and profession.

Aphorisms are passed down from century to century, as they touch on issues that are related to all aspects of our lives and that concern each of us. People have used winged expressions at all times to interpret a range of certain concepts related to a human life. Life is the most complex science that a person has to learn from their own experience, transmitted through winged expressions. This is especially true for aphorisms in Latin, as they carry even more accumulated over the years and time-tested wisdom. Latin winged expressions, being inserted in the creative process, enter into active interaction with the context, transmit subject-logical and aesthetic information.

It was important for the writers to convey the idea in the language in which it found the most appropriate expression. The Latin winged expressions are irreplaceable, since there is no more concise and capacious language that can express worldly wisdom in a few words.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Список литературы / References

1. Бабичев Н. Т. Словарь латинских крылатых слов: 25000 единиц / Под ред. Я. М. Боровского / Н. Т. Бабичев, Я. М. Боровский. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1999. – 784 с.
2. Бабкин А. М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода / А. М. Бабкин, В. В. Шендцов. – В 2-х книгах. – М.-Л.: Наука, 1966. – 1344 с.
3. Варзонин Ю. Н. Древние языки в русской литературе XIX века / Ю. Н. Варзонин, С. А. Васильева, Е. П. Максимова, А. Ю. Сорочан. – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. – 196 с.
4. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 4-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1996. – 846 с.
5. Доровских Л. В. Латинские вкрапления в переписке А.П. Чехова / Л. В. Доровских // Филологический класс. – 2010. – № 2 (24). – С. 60–66.

6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1972.
7. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 10 т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Гослитиздат, 1956–1958.
8. Ильченко О. С. *Lingua Latina*. Морфология имени / О. С. Ильченко. – Краснодар: КубГУ, 2006. – 36 с.
9. Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений / сост. А. С. Альбов. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 606 с.
10. Словарь пословиц на восьми языках / сост. Д. Сверчинская, А. Сверчинский. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008. – 416 с.
11. Сомов В. П. По-латыни между прочим: Словарь латинских выражений / В. П. Сомов. – М.: ГИТИС, 1992. – 230 с.
12. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. / И. С. Тургенев. – М.–Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1961–1968.
13. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / А. П. Чехов. – М.: Наука, 1974–1983.
14. Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. / А. П. Чехов. – М.: Гослитиздат, 1960–1964.

Список литературы на английском / References in English

1. Babichev N. T. Slovar' latinskikh krylatykh slov: 25000 edinit [The dictionary of Latin winged words] / N. T. Babichev, Ya. M. Borovskiy. – 4 izd., ispr. i dop. – М.: Russkiy Yazyk, 1999. – 784 p. [in Russian]
2. Babkin A. M. Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov, upotreblayuschikhsya v russkom yazyke bez perevoda [The dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation] / A. M. Babkin, V. V. Shendetsov. – V 2 knigakh. – М.-Л.: Nauka, 1966. – 1344 p. [in Russian]
3. Varzonin Yu. N. Drevnie yazyki v russkoy literature XIX veka [Ancient languages in Russian literature of the 19th century] / Yu. N. Varzonin, S. A. Vasil'eva, E. P. Maksimova, A. Yu. Sorochan. – Tver': Izd.-vo Mariny Batasovoy, 2015. – 196 p. [in Russian]
4. Dvoretzkiy I. H. Latinsko-russkiy slovar' [Latin-Russian dictionary] / I. H. Dvoretzkiy. – 4 izd., ster. – М.: Russkiy yazyk, 1996. – 846 p.
5. Dorovskikh L. V. Latinskie vkrapljeniya v perepiske A. P. Chekhova. [Latin insertions in the correspondence of A. Chekhov] / L. V. Dorovskikh // Filologicheskiiy klass [The philological class]. – 2010. – № 2 (24). – P. 60–66. [in Russian]
6. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t. [Complete collection of works] / F. M. Dostoevskiy. – Л.: Nauka. Leningr. отд., 1972. [in Russian]
7. Dostoevskiy F. M. Sobranie sochineniy: V 10 t. [Collected works] / F. M. Dostoevskiy. – М.: Goslitizdat, 1956–1958. [in Russian]
8. Ilchenko O. S. *Lingua Latina*. Morfologiya imeni [The Latin language: Morphology of the Name] / O. S. Ilchenko. – Краснодар: KubSU, 2006. – 36 p.
9. Russko-anglo-latinskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy [Russian-English-Latin Dictionary of winged words and expressions] / sost. A. S. Al'bov. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 606 p.
10. Slovar' poslovits na 8 yazykakh [A dictionary of proverbs in eight languages] / sost. D. Sverchin'skaya, A. Sverchin'skiy. – М.: АСТ; СПб.: Астрель'-СПб, 2008. – 416 p.
11. Somov V. P. Po-latyni mezhdru prochim: Slovar' latinskikh vyrazheniy [In Latin by the way: A dictionary of Latin expressions] / V. P. Somov. – М.: GITIS, 1992. – 230 p. [in Russian]
12. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 28 t [Complete collection of works and letters] / I. S. Turgenev. – М.-Л.: Izd.-vo Akad. Nauk SSSR, 1961–1968. [in Russian]
13. Chekhov A. P. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 30 t [Complete collection of works and letters] / A. P. Chekhov – М.: Nauka, 1974–1983. [in Russian]
14. Chekhov A. P. Sobranie sochineniy: V 12 t. [Collected works] / A. P. Chekhov. – М.: Goslitizdat, 1960–1964. [in Russian]